Е. Л. Деменок. Вся Одесса очень велика. Харьков: Фолио, 2016. 495 с.: ил.

Книга, изданная на хорошей бумаге, в альбомном формате, щедро, с умом иллюстрирована. Что особо ценно, значительная часть иллюстраций — авторская; это изображения, документы, разысканные самим исследователем в архивах. При этом работа уже получила своеобразный сертификат качества: некоторые из составляющих ее материалов до издания печатались в «Новом мире», а после издания — дважды обсуждались в часовых культурологических эфирах Ивана Толстого на «Радио Свобода».

Смысловым гвоздем своей работы сам автор считает ее последнюю, двадцатую главу — короткую, с привычными элементами одесского пафоса по поводу одесского мифа...

Когда-то Шкловский определил одесский феномен русской литературы как Юго-Запад (позже, в период репрессий, мрачно острили, что «Юго-Запад» стал «Северо-Востоком»). В оттепель Паустовский, работая на реабилитацию «одесситов», для читательской эмпатии использовал другой светлый образ: левантийцы.

Деменок же выстраивает культурологическую географию похожую, но по-своему более логичную: «Одесса — Юго-Запад империи или Северо-Восток Средиземноморской цивилизации» (с. 488). Но и в этой формуле — лишь часть правды, точнее — ее исток. Поскольку — выросшая на пересечении двух указанных сущностей, цивилизаций — Одесса за полтора столетия стала одним из образцовых трансграничных, транскультурных, транжанровых феноменов мирового масштаба. И в этом смысле сборник Деменок — краеведение, но очень своеобразное, не имеющее краев, — бескрайнее, планетарное.

Одесса в его исследовании и изложении щедро выплескивается в мир. Наиболее четко в книге прослеживается вектор Одесса—Прага—Париж—Нью-Йорк. Места силы одесского феномена, вопреки законам физики не ослабевающие по мере удаления от перволочка.

Прага — в главах «Ильф, Петров и Прага. Встречи реальные и литературные», «Одесские участники пражского “Скита поэтов”», «Лев Магеровский — хранитель русских архивов» (о собирателе пражского архива русской эмиграции, позже вошедшего в «бахметьевский архив» в Нью-Йорке).

Париж — в статьях «Соня Делоне возвращается в Одессу», «Владимир Баранов-Россине — наш человек в Париже», «Французская палитра одесских независимых (совместно с Евгением Голубовским)» (о выставках «первого одесского авангарда» 1910-х годов, различных его связях, прежде всего — с «парижской школой»).

Нью-Йорк — «Ильф, Петров и Бурлюк», «Израиль Литвак. Возвращение забытого имени» (американский художник одесско-

го происхождения, практически неизвестный на родине). «Дочка» (о нью-йоркской дочери Маяковского Патриции Томпсон).

Сразу оговорюсь, что такое географическое деление достаточно условно (мир культуры — один). Да и жанровое — тоже. Как, например, быть с «отцом русского футуризма» Давидом Бурлюком — в равной степени поэтом-писателем и художником (больше всего об этом в главке «Футуристы в Одессе»)? Да и происхождение — религиозное ли, этническое — часто оказывается историей не столь очевидной. Как в случае с тем же Бурлюком, чему посвящена отдельная глава: «Давид Бурлюк: монгол, казак или еврей?»

Впрочем, обойти вниманием еврейский акцент в книге об Одессе никак невозможно. Об этом Деменок пишет в двух главах. Первая — «Изящное искусство против процентной нормы» — на примере Одесского общества изящных искусств и его рисовальной школы он показывает истоки одесского феномена — свободное со-развитие людей разного происхождения (несмотря на уродливые процентные нормы, внедряемые из имперского центра). И как один из итогов этого — галерея героев главы «Еврейская тематика в творчестве одесских художников XIX—XXI веков: от Леонида Пастернака до Александра Ройтбурда».

Какие-то из глав Деменка при соответствующем оформлении сопоставимы с диссертационным исследованием. Так, например, он нашел документальное подтверждение места рождения знаменитой художницы парижской школы Сони Делоне. Не какой-то загадочный Градижск или Градзихск, как пишется в энциклопедиях, а именно Одесса, о чем имеется запись в архивах одесского раввината за 1885 год. А, скажем, в следующей главке, «Забывтые годы Врубеля», автор систематизирует данные о частом и долгом пребывании в городе другого великого художника. Но Деменок — исследователь, культуролог прямого действия, и он сделал все, чтобы утверждение роли Одессы в биографии Михаила Врубеля закрепить установкой мемориальной доски.

В целом, хорошо отредактированная и сверстанная книга-альбом, однако, не свободна от недостатков. Вероятно, при сборе ее стоило решительней вмешаться в содержание составивших том главок, эссе, чтобы, например, описание некоторых персоналий не дублировалось в разных главах. Не самым удачным кажется и название. Да, строчка из шутливой одесской песни точно описывает суть, масштабы одесского феномена — и автор, очевидно, посчитал это находкой. Но при этом не учитывается, что такое название на обложке ложно ориентирует потенциального покупателя, отпугивая исследователя и вводя в заблуждения поклонника музыки и литературы в стиле «оца-оца».